

ГЕНРИ СИРИЛ

ПЛОХОЙ
РЕБЕНОК

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С40

Сирил, Генри.
С40 Плохой ребенок / Генри Сирил. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Паутина. Триллеры известных российских блогеров).

ISBN 978-5-04-164207-5

Когда известная художница Грейс Хейли случайно встретила на улице странного молодого человека, она сразу поняла: это он! Брошенный ею сын, от которого она избавилась, боясь испортить себе будущую карьеру. Она искала его все последние годы, и вот он нашелся. Но как же не похож он на того, кого она себе представляла! С этого момента жизнь Грейс превратилась в настоящий ад. Сын вымогал у нее деньги на наркотики, рассорил с мужем, сделал соучастницей преступления... Ставшая в один миг несчастной, Грейс наконец решает выяснить, кто же он на самом деле, ее мучитель. Открывшаяся правда не оставила отчаявшейся женщине выбора...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164207-5

© Агапов К.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Я протестую против терминов «фантазия» и «символизм». Наш внутренний мир реален, быть может, даже более реален, чем мир, окружающий нас.

Марк Шагал

За иллюзии расплачиваются действительностью.

Лешек Кумор

* * *

Я ударил ее по лицу, чтобы она замолчала. Кухонный нож в моей руке, я совсем забыл о нем. В той самой руке, которой я ее ударил. И пропорол щеку. Она коротко вскрикнула, прижав ладонь к порезу. Сквозь ее пальцы заструилась кровь. Я не хотел, но... а впрочем, она замолчала, это хорошо. Весь этот шум сводил меня с ума. Линнет, Тревор, полицейские за окном и за дверью, толпа зевак...

— Папа! Не надо, папа, перестань! — Тревор заревел в голос и бросился к Линнет, обнял.

— Малыш, не кричи, — я устало потер виски, я хотел только тишины, чтобы мне дали чертовой тишины, — мне нужно собраться с мыслями, Тревор, сынок. Я ведь почти закончил, почти закончил.

— Не называй... — Тревор не сумел договорить. Линнет судорожно зажала ему рот обеими руками, перепачкав лицо нашего сына своей кровью, и прижала к себе.

— Тихо, Тр... Тревор, тихо. Папе нужно работать, а мы мешаем ему. Тихо. — Не сводя с меня испуганных глаз и прижимая к себе ребенка, она медленно попятилась спиной к стене.

Зачем она так? К чему этот цирк? Ведь не могла она всерьез думать, что я способен причинить им вред. Ах да! Нож. Но это случайность! Я просто забыл о нем. Я немедленно уберу его.

И я швырнул его в сторону. Линнет взвизгнула, когда он с лязгом ударился о кухонную настенную плитку.

Из-за входной двери послышался голос Фергюсона. Он кричал своим хриплым, пропитым голосом, чтобы я прекратил все это и сдался.

Господи! Как он назвал меня, этот боров! Безмозглый полицейский, разве он не понимает? Там наверняка уже полно репортеров, а он... Что они напишут у себя?

— Ублюдок! — ору я во всю глотку. — Меня зовут Дэвид Блисдейл, тупой ты урод! Блисдейл!

Они, каждый из них, только и делают, что норовят все испортить, разрушить то, что создано было не ими. Неужели они действительно не понимают? Разве такое возможно, чтобы весь город состоял из одних тупиц? А может, они нарочно?

— Не делай глупости, — кричал Питерс.

Но я уже не слышал его. Меня осенила догадка.

ПЛОХОЙ РЕБЕНОК

— Вы... вы нарочно, — сказал я, глядя в предательское лицо своей второй половинки, перекошенное лживым ужасом, — вы нарочно мешаете мне, — перешел я на шепот.

Нож снова оказался в моей руке.

Только теперь я о нем помнил.

ГЛАВА 1

Первые лучи утреннего августовского солнца бледным золотом разливали свет по улицам Рима. Не спеша, наслаждаясь прохладой, Грейс Хейли шла по узким улочкам к пересечению Савое и Мантове. Город уснул совсем недавно и очень скоро проснется. Что ж, она успеет. Ее интересовал пожилой мужчина с длинными пальцами левой руки, с тростью, увенчанной причудливым набалдашником. Он куда-то спешил, спина его была немного сгорблена, а ноги застыли в широком шаге. Впрочем, размышляла Грейс, почему, собственно, «старик»? Возможно, он еще молод, просто тяжелая жизнь состарила его раньше времени, придала фигуре сутулый вид... Нет, первое впечатление — самое верное. Не нужно вступать с ним в противоречие, оно еще ни разу не подводило ее.

Грейс остановилась у нужного ей дома. Сняв рюкзак и положив его на асфальт рядом с фонарным столбом, она не торопясь прошла

вдоль фасада. Грейс не помнила точно, где видела этого старика, на какой из сторон двухэтажного дома: Рим она знала плохо и не могла точно сказать, с какой улицы они пришли сюда в прошлый раз, два дня назад, в день ее прилета, когда Маттео познакомил Грейс с новым куратором, Альдо Сальви, который, собственно, и занимался организацией вернисажа в этот раз. Грейс проработала с Маттео не один год, и расставание (в профессиональном смысле) с другом они решили отметить, перетекая из бара в бар. А возвращаясь в гостиницу и решив немного прогуляться, она заметила старика на фасаде дома, рядом с которым сейчас находилась.

Становилось душно. Грейс размяла плечи, оттянула ворот белой футболки и подула под нее. Завтра ей предстояло весь день провести в каком-нибудь дурацком платье, какое подберет для нее Амелия, и только от одной этой мысли она сразу устала. Почему нельзя открывать собственную выставку вот в этих самых джинсах и футболке, что сейчас были на ней? Можно, конечно, но Амелия будет весь вечер бросать на нее такие взгляды, что уж лучше потерпеть.

Ага, вот он.

Грейс даже не пришлось вглядываться в облупившуюся штукатурку: Старик с тростью бросался в глаза с первого же взгляда. Его очерта-

ния отчетливо читались. Она сделала шаг назад и склонила голову набок, разглядывая трещины и сколы. Старик спешил куда-то, подальше от нее, от всех, бросая короткий торопливый взгляд через плечо. Грейс достала телефон и сделала несколько фотографий, на всякий случай, если не успеет нарисовать его до того, как тихая улица перестанет быть таковой.

Она расстегнула рюкзак, извлекла из него все необходимое: планшет с закрепленными на нем несколькими листами пастельной бумаги и футляр с угольными карандашами. Подумав, Грейс поменяла местами листы на планшете, закрепив первым более зернистый лист, с грубой фактурой.

Через полчаса она закончила. Старик вышел чуть более вытянутым, чем должен был быть. Она рисовала с рук и это немного мешало ей выбрать правильный угол планшета для передачи перспективы. Но если она решит перенести его на холст, то учтёт это, так что не страшно.

Грейс вспомнила о муже. Дилан всегда поддразнивал ее, когда она часами исправляла то, что видела только одна она. Неуловимые нюансы. В такие моменты она обычно просто улыбалась, не вдаваясь в подробные объяснения, что фиксация предмета на бумаге с фотографической точностью помогает ей уловить скрытую

суть, прочувствовать каждый фрагмент причудливого узора, созданного самой природой, ее физическими законами.

Дилан промелькнул в ее памяти на какое-то мгновение, но этого было больше чем достаточно, чтобы в горле предательски запершило, а глаза увлажнились. Как-то незаметно для них обоих ссоры стали делом привычным. Грейс не хотела вспоминать вечер накануне вылета в Италию, ведь через несколько часов ей предстоит быть улыбчивой, открывать свою выставку, а испорченное настроение вряд ли пойдет на пользу дела, но приказать себе не думать о муже у нее не выходило. Она вспомнила его лицо, когда обернулась, чтобы попрощаться.

Дилан пил кофе, водил пальцем по экрану смартфона, а когда оторвал взгляд от телефона и посмотрел на Грейс, у нее что-то екнуло внутри. Взгляд человека, с болью и сожалением решившего сделать серьезный шаг. Уж что-что, а эмоции Грейс считывала с людей практически безошибочно. Легкий прищур или же слабая, еле заметная улыбка, когда глаза остаются печальными; и сама эта печаль. Грейс глядела в лица людей, как в книгу с подробным описанием творящегося в душах беспокойства или, наоборот, счастья, а может, и безразличия ко всему.

Дилан собирался уйти от нее.

Но больно было не только от того, что брак ее трещал по швам, что, возможно, когда она вернется домой, ее никто не встретит, а на письменном столике в гостиной будет лежать извещение о разводе. Обида — вот что ранило сильнее всего. Впрочем, сколько еще она могла просить его дать ей время? Пять лет? Десять? Да и наступит ли это время?

Грейс убрала в рюкзак блокнот и карандаши, сделала несколько фотографий старика под разными углами. Пора возвращаться в гостиницу. Через два часа за ней заедет Амалия и начнется сумасшедший дом. Она придет по меньшей мере с тремя разными платьями и заставит перемерить по сто раз каждое, пока, матерясь и проклиная все на свете самыми последними словами, не убежит за четвертым.

Грейс улыбнулась, ухватила за образ вечно ворчливой и всегда чем-то недовольной Амалии, и хорошее настроение вернулось к ней. Пора возвращаться в гостиницу.

Вот только заглянет в этот подвальныйчик за бутылочкой белого вина. Он должен уже открыться, наверное.

ГЛАВА 2

Стекло и бетон. Много стекла и бетона, много металлических перекрытий, не несущих никакой функциональной нагрузки, они там лишь для эстетического подчеркивания современного дизайна.

Музей Макро.

И внутри его хранятся покрытые искусственной кровлей двухметровые блоки, причудливой формы сложные фигуры... По большей части — работы итальянских художников и скульпторов нового века. Но случается, устраивают в Макро вернисажи именитых художников других стран.

Для Грейс Хейли, художницы из Нью-Йорка с мировым именем, выбрали интересное место в музее. Ее работы разместили на террасе. Стекланные лестницы ведут на нее. Солнечный свет не страшен работам Грейс: она не оценивает законченную работу и в один доллар, боязнь испортить картину — чувство, ей не свойственное. Главное — ухватить детали при создании